

Кому нужен Чайковский?

Музыкальный редактор челябинского издательства МРП Ольга Катаргина рассказывает об издании многотомного наследия великого русского композитора, которое еще никто и никогда не решился довести до логического конца...

Инициатором издания Полного академического собрания сочинений П. И. Чайковского явился главный дирижер и художественный руководитель Большого симфонического оркестра имени Чайковского, народный артист СССР Владимир Федосеев. Его поддержали Музей Чайковского в Клину, Музей музыкальной культуры имени Глинки и Институт искусствознания. Издательство МРП пригласили принять участие в проекте, и мы рады такой работе. Основания у нас есть, мы давно и плодотворно сотрудничаем со многими деятелями российской музыкальной культуры, длительное время работали в составе международной издательской группы. В каталоге издательства — ноты для фортепиано и других инструментов, оркестровые партитуры, клавиры опер и балетов, книги. Недавно стартовал проект «Русская серия Шотт» — результат сотрудничества с известным немецким издательством Schott из Майнца, с которым в свое время работали Людвиг Ван Бетховен, Вольфганг Амадей Моцарт и Рихард Вагнер. В рамках «Русской серии Шотт» в МРП изданы двадцать произведений Родиона Щедрина, созданные композитором в этом веке, но еще никогда не печатавшиеся в России. Теперь российские музыканты получили возможность их исполнять, правда, библиотеки не торопятся приобретать эти шедевры...

Работа с наследием Чайковского началась в МРП с издания его переписки с баронессой фон Мекк. Мало кому из близких Чайковскому людей было известно о его необычной дружбе с Надеждой Филаретовной фон Мекк, совершенно незаурядной натурой, тонким ценителем искусств. Она не только была страстной поклонницей музыки Чайковского, но и, владея большим состоянием, предложила ему материальную помощь, благодаря которой он мог уже не служить, а заниматься только творчеством.



Чайковский в период работы над постановкой оперы «Опричник» в Мариинском театре. Январь или апрель 1874 г., Санкт-Петербург

Сегодня уже опубликованы три из пяти томов переписки, длившейся на протяжении 14 лет. В итоге — будет представлено без купюр более 1200 писем, в каком бы виде эти тексты ни сохранились: в подлинниках, копиях или в более ранних публикациях. Кто-то приносил письма специалистам дома-музея, их находили в архивах — и, в конце концов, было собрано наиболее полное собрание этих документов, расшифровка которых заняла десять лет! Сложность работы не поддается описанию: нужно учитывать и возраст писем, и особый стиль «высокого общения» между Мекк и Чайковским.

«Переписка» — уникальный документ, раскрывающий внутренний мир композитора, по сути своей являющийся диалогом художника со слушателями, современниками, эпохой. Поэтому она дается в форме общения, а не публикации писем одного и другого корреспондента по отдельности. Так объективнее, точнее понимаются и интерпретируются все внутренние смыслы. Тон и тематику переписки задавала Надежда фон Мекк. Это понимал сам композитор, это понимал и его брат и первый биограф Модест Ильич Чайковский, который писал, что письма: «...сами по себе, помимо их биографического значения, [...] могут представить глубокий интерес для отдельного издания». Безусловно, у Чайковского были другие значительные и глубокие по своему содержанию переписки — например, с учеником, другом и коллегой С. И. Танеевым или с Великим князем Константином Константиновичем. Но переписка с Мекк, одной из самых глубоких и душевно заинтересованных его музыкой слушательниц, человеком высокой культуры и обширных знаний, имеет совершенно особое содержание.

Эпистолярное знакомство Чайковского с Надеждой фон Мекк началось с того, что его ученик по Московской консерватории скрипач Иосиф Котек поступил на службу к Мекк для игры в ансамбле. Вскоре Котек передал Чайковскому просьбу Надежды Филаретовны сделать переложение для скрипки и фортепиано нескольких произведений. 18/30 декабря 1876 года фон Мекк письмом поблагодарила композитора за готовность выполнить просьбу.

«Говорить Вам, в какой восторг меня приводят Ваши сочинения, я считаю неуместным, потому что Вы призывали и не к таким похвалам, и поклонение такого ничтожного существа в музыке, как я, может показаться Вам только смешным, а мне так дорого мое наслаждение, что я не хочу, чтобы над ним смеялись, поэтому скажу только и прошу верить этому буквально, что с Вашей музыкой живется легче и приятнее...»

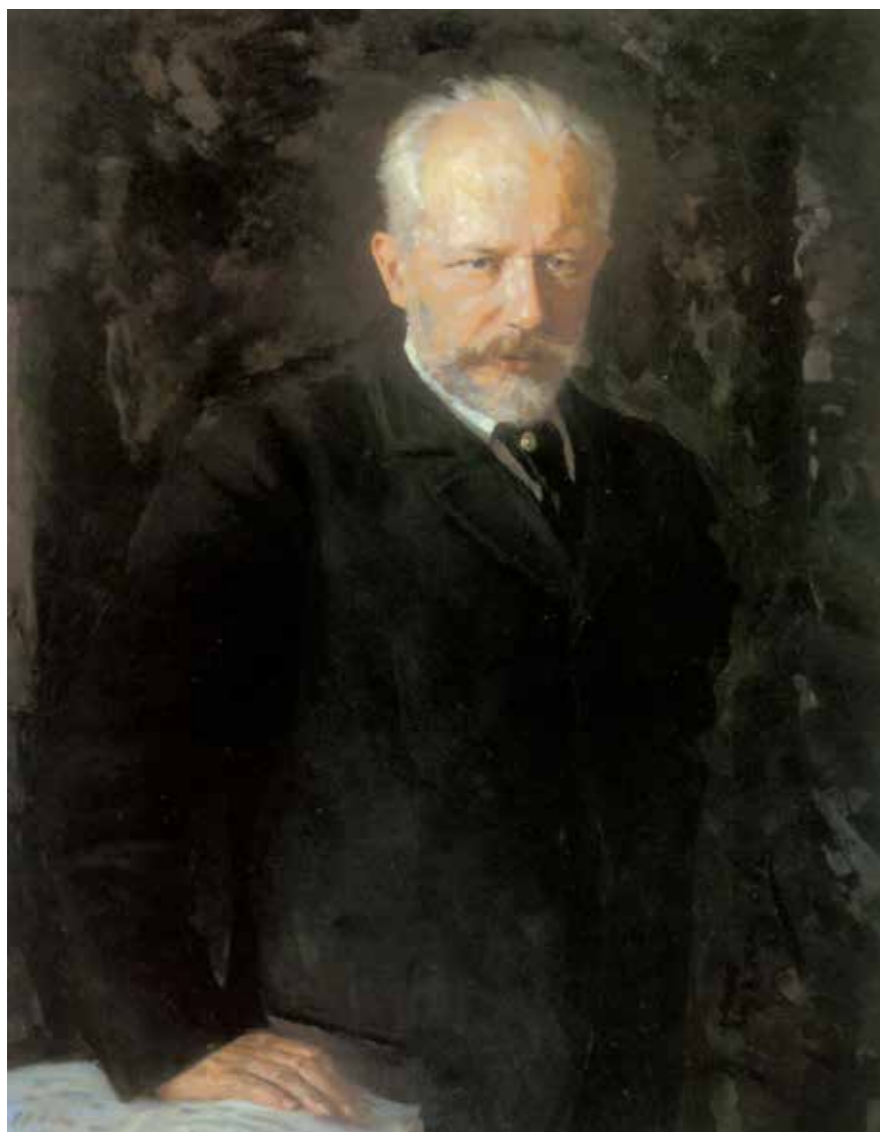
Содержание переписки весьма разнообразно. Чайковский рассказывал, как и над чем он работает, они обсуждали современную литературу (русскую и европейскую), музыку, искусство, политические события... Несомненно, если бы не Мекк, то многих произведений Петра Ильича мы бы никогда не услышали, он их просто



Н. Ф. фон Мекк

не успел бы написать. Надежда Филаретовна разглядела в нем великий талант — и, имея обширный опыт владения и управления гигантским состоянием, умела очень ненавязчиво и мягко предложить материальную помощь Чайковскому, который из-за невеликого капитала был вынужден подрабатывать в московских газетах и вести преподавательскую деятельность в консерватории. А благодаря ей, он смог полностью отдаться творчеству, имел возможность путешествовать, отдыхать... Но отдыхать только от преподавания. Как композитор он каждый день садился за рояль и усердно трудился.

Необычную форму общения двух корреспондентов описал впоследствии брат Чайковского: «...главная особенность тесной и трогательной дружбы Надежды Филаретовны и Петра Ильича заключалась в том, чтобы они не виделись иначе как в толпе, и, встречаясь случайно в концертной зале, на улице, не обменивались ни единым взглядом присутствия, сохраняя вид людей совершенно чуждых. Они общались только письменно, и оба умерли, никогда не слышав голоса друг друга...»



Портрет П. И. Чайковского работы Н. Д. Кузнецова

Их диалог прекратился в 1890 году по инициативе Надежды Филаретовны, которая в последние годы жила в Ницце и сильно болела. Переписка перешла к общению через секретаря Мекк и одновременно ее зятя Владислава Пахульского и потеряла для Чайковского необходимый для него характер личного, интимного и почти исповедального общения.

Сохранившиеся сотни писем стали еще и своеобразным памятником русского быта XIX века: типы почтовой бумаги, различные виды почтовых карточек, в ряде случаев и конвертов. К сожалению, как бы бережно ни относились к корреспонденции главные герои переписки, что-то все-таки было утеряно безвозвратно. Ведь эти письма писались в конце XIX века, через некоторое время грянули войны и революции. И большая благодарность потомкам фон Мекк за то, что они сумели сохранить сундуки с письмами Чайковского и впоследствии передали часть переписки своей матери в дар дому-музею. В свою очередь, Петр Ильич всегда очень аккуратно

и педантично относился к своей корреспонденции — и все письма, чеки, записи и тетради старался возить с собой, что было, без сомнения, не так просто — Чайковский часто ездил по России и Европе. И только в последние годы жизни, обретая дом в Клину, стал оставлять часть архива там. Многие оригиналы писем переписки так и остались после смерти композитора в его доме.

Особый вопрос — лексика XIX и первой половины XX веков, которая характерна как для Чайковского и Мекк, так и для авторов документов, которые публикуются в первом томе настоящего издания Переписки. В некоторых случаях встречается употребление слов и словосочетаний в непривычных для современной речи падежах и родах — и они сохранены в авторской версии как специфические обороты своего времени. В текст также были внедрены факсимиле, целые строчки с нотами — Чайковский часто записывал мелодии непосредственно в письмах к своей собеседнице и покровительнице.

Во время работы над Перепиской к нам пришло письмо от Полины Вайдман, доктора искусствоведения, ведущего научного сотрудника Государственного дома-музея П. И. Чайковского, хранителя архива: «Фактически издательство MPI — единственное в стране, которое желает, может и стремится поставить нотоиздательское дело на современный, с учетом всех мировых традиций уровень». Высокая оценка нашего труда, видимо, и сыграла весомую роль в том, что нас пригласили участвовать в таком интересном и ответственном перед временем и Отечеством проекте, как издание полного собрания сочинений великого композитора.

*Есть такая притча...
Молодой монах принял постриг,
и в монастыре первым его заданием было помогать переписывать церковные законы. Поработав не-*

делю, монах обратил внимание, что все переписывают эти материалы с предыдущей копии, а не с оригинала. Удивившись в этом, он обратился к отцу-настоятелю:

— Падре, ведь если кто-то допустил ошибку, она будет повторяться вечно, и ее никак не исправить, ибо не с чем сравнить!

— Вообще-то мы так делали столетиями,— ответил отец-настоятель,— но, в принципе, в твоих рассуждениях что-то есть!

И с этими словами он спустился в подземелье, где хранились первоисточники, столетиями не открывавшиеся. Когда прошли сутки, обеспокоенный монах спустился в те же подвалы на поиски. Он нашел его сразу. Тот сидел перед громадным раскрытым томом из телячьей кожи, бился головой об острые камни и что-то мычал.

— Что с вами, святой отец? — вскричал потрясенный юноша.— Что случилось?

— Celebrate,— простонал отец-настоятель,— слово было: «celebrate»!

В отношении русской музыкальной классики существует убеждение, что все давно изучено. Огромная ошибка! Эталонного издания, с авторскими версиями и редакциями на сегодняшний день нет ни у одного из русских композиторов, даже у Чайковского, самого исполняемого композитора. Его играют все и всюду, но как? «Точных канонов нет. Вы представьте, если Пушкина "У Лукоморья дуб зеленый..." школьники читают по-разному, другими словами. Здесь то же самое! Это позор для нас, позор и несчастье», — уверяет художественный руководитель Большого симфонического оркестра имени П. И. Чайковского. По словам Владимира Федосеева, ноты Чайковского после смерти композитора дирижеры часто «редактировали», и порой музыканты и не догадываются, как было в оригинале. Полное академическое собрание сочинений Чайковского, из которого однозначно бы следовало — так написал Чайковский, обязательно должно быть издано в России.

Первое собрание сочинений было начато до войны, в 1940 году — в столетнюю годовщину со дня рождения композитора. 24 ноября 1941 года Дом-музей П. И. Чайковского был уже занят немецкими войсками. В соответствии с приказом генерала фон Рейхенау, гласившим, что «культурные и художественные ценности на Востоке не имеют никакого значения», оккупанты подвергли поруганию и разгрому усадьбу композитора. Счастье, что вовремя удалось эвакуировать архив композитора. Работа над собранием была продолжена и завершилась лишь в 1971 году.

Недостатки первого издания имеют в первую очередь идеологическую природу. Доктор искусствоведения Полина Вайдман поясняет: «Вместо "Торжественная на освящение Храма Христа Спасителя" получилась увертюра "1812 год". Но даже с таким названием увертюра

после революции долгое время не звучала, т.к. в ней Чайковский цитировал гимн "Боже, царя храни". Фактически увертюру спасли Шебалин и Голованов, которые решили вместо "Боже, царя храни" поставить "Славься" Глинки...» Одно из первых исполнений новой версии — 1945 год, концерт в Большом зале консерватории для участников Поместного Собора РПЦ.

Торжественную увертюру впервые без купюр исполнил Владимир Федосеев в 1980-м году. Его тогда вызвали «на ковер». Невелика цена за то, чтобы слушатели узнали подлинного Чайковского, считает маэстро, и говорит, что сделает все, чтобы вернуть в репертуар все сочинения классика.

В Клину Чайковский написал Шестую симфонию. В спальне усадьбы и сейчас лежит на столе ее рукопись. В первозданном виде произведение было исполнено один раз — в октябре 1893 года. Дирижировал сам Чайковский. Тогда же он попросил не издавать симфонию до тех пор, пока не внесет в партитуру свои коррективы. Но внести их он не успел — через девять дней композитора не стало.

Под Шестую — «Патетическую» — симфонию провозжали в последний путь советских вождей, только вместо Andante lamentoso — «медленно печально», как было у Чайковского — исполняли еще более трагичное Adagio. Владимир Федосеев возмущается: «Они думали, что это похоронная музыка, и выжимали слезу. А у Чайковского нет слезы, нет крови. Он и смерть представляет по-другому — жизнь после смерти. Когда умер Андропов, его дочка попросила сыграть первую часть, говорила, что папа любил первую часть. Я сыграл первую часть вместо последней, меня вызвали и как следует пропесочили...»

Попытка издать новое ПСС Чайковского была предпринята немецким издательством Schott в 1993 году к 100-летию со дня смерти Чайковского. Произошли исторические изменения, которые сделали возможным международное сотрудничество ученых двух стран, но как признался нам доктор Райнер Морс, руководивший проектом, «видимо, мы поспешили, ваша страна была еще не готова к работе...» Партнером с русской стороны было издательство «Музыка», в то время еще государственное предприятие. Работа, не успев начаться, быстро закончилась. Деньги, перечисленные русской стороне, растворились. Вышло лишь четыре тома. Подписчики во всем мире до сих пор ждут продолжения.

В 2010 году министр культуры Александр Авдеев поддержал идею издания Полного академического собрания сочинений П. И. Чайковского, а в декабре 2011 года на совещании у советника президента по культуре Юрия Лаптева было решено начать работу. Как признается один из инициаторов проекта, директор Государственного института искусствознания Дмитрий Трубочкин, «Полное собрание сочинений — проект на многие годы.

Нужно его затеять, и затеять смело, без того, чтобы рапортовать, что через 10 лет мы издадим 100 томов. Это настоящее кропотливое выражение научного труда, которое и представляет собой настоящее почитание памяти композитора».

Однако через год, 11 декабря 2012 года, на расширенном заседании Ученого совета института искусствознания с нынешним министром культуры Владимиром Мединским министр сказал, что не обязан отвечать за своих предшественников, и попросил обращаться к нему лично. А за несколько дней до этого статс-секретарь министра господин Ивлиев заявил о нерентабельности и дороговизне данного проекта, то есть фактически прозвучало: «Кому нужен Чайковский?»

Из открытого письма Владимира Федосеева и Полины Вайдман министру культуры РФ Владимиру Мединскому («Известия», 13 дек. 2012 г.): «Чайковский, как Пушкин, Толстой, как памятники Пскова и Новгорода, полотна Левитана и Репина — лицо России. Они не должны быть исправленными, подкрашенными или перестроенными. Поэтому издание Полного собрания сочинений П. И. Чайковского без купюр и искажений, как нам представляется, — проект государственного и общенационального значения, направленный на сохранение экологии культурного достояния страны. Все источники текстов композитора, его рукописи, прижизненные издания — собственность Российской Федерации. Поэтому именно на России лежит ответственность перед миром, чтобы великие творения русского гения были доступны во всем мире в их подлинном виде...»

11 октября 2012 года президентом России В. В. Путиным издан указ о праздновании в 2015 году 175-летия со дня рождения Чайковского, учитывая его выдающийся вклад в отечественную и мировую музыкальную культуру. Прошло семь месяцев, однако до сих пор не создан оргкомитет по празднованию юбилея, нет программы мероприятий, нет решения о Полном академическом собрании сочинений. Ощущение, что никому ничего не надо. Неужели страна опять не готова?

Несмотря на все эти странные события, мы продолжаем работу над первыми томами Полного академического собрания сочинений композитора, опираясь на необъятную работу сотрудников дома-музея в Клину и его главного хранителя — Полины Вайдман. Откроет собрание сочинений «Первый концерт для фортепиано с оркестром» — один из самых известных в концертном жанре музыкальных шедевров 34-летнего композитора. Особенно часто он звучит в дни Конкурса имени Чайковского в Москве. В 2015 году пройдет юбилейный XV Конкурс и у музыкантов появится возможность впервые исполнить знаменитый концерт именно так, как задумывал его автор. Текст



Страница партитуры концерта №1 для фортепиано с оркестром. Берлинская копия

не издавался в полной авторской версии после 1893 года и до сих пор исполнялся по третьей редакции. Первая авторская редакция концерта в России вообще никогда не издавалась, и можно понять радость участников проекта, когда неожиданный подарок преподнесла Государственная библиотека Берлина, выславшая копию рукописи первой редакции концерта с посвящением Г. фон Бюлову, которая считалась утерянной.

Карл Клиндворт, пианист и коллега Чайковского по Московской консерватории, рекомендовал Г. фон Бюлова в качестве исполнителя, в то время как Чайковский сначала имел в виду поручить первое исполнение концерта своему ученику Танееву, только что окончившему консерваторию. Клиндворт передал Бюлову рукописную партитуру фортепианного концерта с посвящением ему. Пианист этому особенно обрадовался. Бюлов в письме к Чайковскому от 13 июня 1875 года поблагодарил и выразил свое восхищение новым произведением композитора. Он также сообщил, что будет играть этот фортепианный концерт во время своего турне по Америке осенью 1875 года. Бюлов тщательно готовился к первому исполнению концерта:

«Я испытал удовольствие, овладевая концертом Чайковского, посвященного мне. Он требует очень больших усилий, но стоит их».

25 октября 1875 года состоялось исполнение концерта в первый раз в Бостоне с американским дирижером Б. Лангом. Бюлов сообщал Клиндворту: «Исполнение под управлением американца Ланга, которого я нашел и сразу сделал знаменитым, было вполне приличным, а вчера при повторении было принято с восторгом <...>. Критика пока несколько тяжеловесна и неуверенна, но она еще больше обратит внимание на Чайковского, как только успех будет подтвержден в Нью-Йорке и Филадельфии. Сообщите о прилагаемых рецензиях моему, нашему другу, он, конечно, будет благодарен тебе, ведь это ты впервые вызвал мой интерес к нему». О концерте в Нью-Йорке Бюлов писал: «Концерт под управлением Дамроша прошел здесь еще лучше, чем в Бостоне, решительно завоевал всех, и в субботу будет исполняться еще раз. Чайковский сделался популярным в Новом Свете».

Чайковский благодарил Бюлова в письме 1 декабря 1875 года и написал, что очень хотел бы присутствовать на

концертах в Америке, чтобы познакомиться с интерпретацией Бюлова, поскольку он недоволен премьерой своего концерта 1 ноября 1875 года в Петербурге под руководством Э. Ф. Направника с солистом Г. Кроссом. Чайковский также сообщил, что надеется на успех второго исполнения, которое состоится через два дня в Москве, с солистом С. И. Танеевым и дирижером Н. Г. Рубинштейном.

Рубинштейн, очевидно, пересмотрел свое прежде отрицательное мнение о концерте и, может быть, благодаря интересу Бюлова к этому произведению, сам решил сначала продирижировать его в Петербурге и Москве, а потом впервые сыграть его. Впоследствии концерт занял в репертуаре Рубинштейна прочное место. Во время гастролей Чайковского по Америке в 1891 году неоднократно звучал Первый концерт. Играл его под управлением композитора и при открытии зала «Карнеги-холл» в Нью-Йорке. Примечательно, что в последнем своем выступлении 16 октября 1893 года, когда состоялась премьера Шестой симфонии, Чайковский также исполнил свой Первый концерт. Его играла пианистка Аус дер Оэ, участница американских гастролей Чайковского. Таким образом, Чайковский простился со своими современниками музыкой Шестой симфонии и Первого концерта для фортепиано с оркестром...

Академическое издание почитается за абсолют, оно будет тем каноном, о котором мечтает Владимир Федосеев. Великое счастье взяться за такой труд. **БК**

2 октября 2013 года на заседании Совета по культуре и искусству в Кремле президент России Владимир Путин сказал буквально следующее: «... Нужно серьезно заняться продвижением и поддержкой фундаментального искусства. Это как и в науке: фундаментальные исследования затратны и не имеют сиюминутной отдачи, но без них научная мысль и прогресс просто остановятся... Теряем привычные отношения к культуре как к развлечению трудно, может быть, очень трудно, но, безусловно, необходимо... Лишь в этом случае мы сэкономим Россию такой, какой мы ее получили от наших предков, — многонациональной и единой, открытой и самобытной, и обеспечим то самое качество жизни, к которому так стремимся...»